

В первом номере Некрасовского журнала «Современник» за 1847 год появились рассказы Ивана Тургенева, вошедшие вскоре в книгу «Записки охотника». К моменту журнальной публикации автору исполнилось двадцать восемь лет. Он считался поэтом: в российских журналах уже печатались его лирические стихи и поэмы. Выходили они и отдельными изданиями.

Но «Записки охотника» с первых же опубликованных страниц произвели такое впечатление, которое вызывает лишь что-то из ряда вон выходящее. Н. Некрасов писал Ивану Сергеевичу летом 1847 года: «Успех Ваших рассказов повторился еще больше в Москве, – все о них говорят с восторгом. Нисколько не преувеличу, сказав Вам, что эти рассказы сделали такой эффект, как романы Герцена и Гончарова*... – этого, ка- жись, довольно. В самом деле, это настоящее Ваше дело...» Публицист Н. Шелгунов считал, что в «Записках охотника» Тургенев «захватил всю суть русской жизни», а В. Белинский заявил, что в этих рассказах автор «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил».

* * *

Подлинно художественное произведение всегда открывает жизнь с новой стороны. Оно по-новому освещает для нас человеческую

* Имеются в виду романы «Кто виноват?» и «Обыкновенная история».

сущность, явление жизни, ее красоту или черную глубину, факт истории, даже привычную природу. Свой, особый, взгляд, неведомая ранее пронизательность, своеобразное осмысление – да мало ли что приносит с собою в литературу оригинальный художник! «Записки охотника» в этом смысле книга необычайная. В ней представлены разнообразные русские характеры, даже не характеры, а типы. Такое богатство типических лиц редко встретишь в одной книге рассказов. Деловой Хорь и мечтательный Калиныч; безответный и отверженный Степушка из новеллы «Малиновая вода»; разжиревший бурмистр, «зверь, а не человек», Софрон; «чудная» душа, сын природы Касьян с Красивой Мечи; мальчишки с Бежина луга, каждый со своей изюминкой; честнейший лесник Фома, по прозвищу Бирюк; самозабвенные певцы Яшка-Турок и рядчик из городка Жиздры; «огонь-человек» Пантелей Чертопханов и его тишайший друг Тихон Недопюскин; укротившая свои земные страдания, просветленная Лукерья из потрясающей истории «Живые мощи»... Череда подлинных типов, неистовых и смиренных, полных жизненной мощи и пришибленных судьбой, откликающихся чутким сердцем на бессмертную красоту вокруг и глухих к ее зову. А еще есть в рассказах раздумья о нашем земном бытии – те несуетные размышления, на которые способен лишь ум глубокий, пронизательный и неутомимый. А еще есть поэзия, разлитая по страницам каждой новеллы, поэзия, которую впитывает один герой и слепо отталкивает другой, но которую неизменно и чутко замечает и прославляет автор, находя для этого мудрые и вдохновенные слова. А еще есть магия самого повествования, его ритм, его музыка – тот русский тон, который мы улавливаем в народной песне, сказке, притче, разнообразных и душевно цельных, неожиданно новых и с детства родных. И все это вместе взятое – как долгий вздох матери, как поцелуй ребенка, как прикосновение любимых рук. И все это – «Записки охотника».

* * *

Если вы помните, стихотворения в прозе Ивана Тургенева начинаются миниатюрой «Деревня». В этом лирическом монологе ощущается нежелание автора замечать то, что портит красоту русской глубинки: к примеру, латаную-перелатаную крышу избы, «пьяный», завалившийся наружу или внутрь двора плетень, грязную лужу во всю ширину улицы, лохмотья какого-нибудь местного горемыки... У Тургенева – «очищенный» пейзаж русской деревни. И мы с благодарным сердцем прощаем его избирательный взгляд. Мы знаем: его устами говорит любовь – а без любви нет ни высшей правды, ни литературы. Это любовь шептывает поэту слова благоухающие, медовые:

«Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия – родной край. Ровной синевой залито все небо: одно лишь облачко на нем – не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух – молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смиренно поваливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой – и дегтем маленько – и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух...

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть немного посохнет на припеке, а там и в сарай! То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, – зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные огнистые капли...»

Вот такая же любовь нашептала Тургеневу его рассказы из книги «Записки охотника». Гоголь написал о «мертвых душах» России – о Собакевиче, Ноздрева, Плюшкине, Коробочке, которые уже ничего не могли принести отечеству полезного, созидательного, умножающего его силу и славу. Тургенев впервые вдохновенно и правдиво рассказал о «живых душах» России, представив в «Записках охотника» собрание подлинно национальных русских характеров с их чудесными качествами и талантами. После «Записок охотника» ни один прохиндей в мире – ни у нас, дома, ни за его порогом – уже не мог обогнать русского человека, приписав ему лень, невежество, глухоту к красоте, черствость и прочие пороки. Книга Тургенева стала верным слепком с жизни, но не мертвым, а художественно одушевленным, выполненным с великой любовью и с великим талантом.

Она, конечно, появилась не на голом месте; эту книгу подготовили своим гением, прозорливым и верным правде, Пушкин и Лермонтов. Рядом с нею, в одно время, на одном и том же поле, ждавшем живых всходов, выросли эпические и лирические произведения Некрасова, впервые в русской поэзии нарисовавшего картину народного бытия и представившего это бытие как духовную и нравственную красоту родного отечества. И уже за этими двумя писателями-современниками, Тургеневым и Некрасовым, подхватив их правдивую речь, полногласно заговорили о своем народе Толстой, Достоевский, Чехов, Горький...

Нужно знать взгляды Тургенева на искусство, чтобы уяснить, чем стали для него самого «Записки охотника». По мнению писателя, «художество», в том числе и литература, – это «воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию». Литература, оторванная от народной жизни, есть, по Тургеневу, нечто мертвое. «...искусство народа, – писал он, – это его живая, личная душа, его мысль, его язык в высшем значении слова; достигнув своего полного выражения, оно становится достоянием всего человечества даже больше, чем наука, именно потому, что оно – звучащая, человеческая, мыслящая душа, и душа неумирающая, ибо может пережить физическое существование своего тела, своего народа». Пушкин, считал писатель, потому и состоялся, что произошло его «удаление в глубь России, погружение в народную жизнь, в народную речь...» «Нужно постоянное общение со средою, которую берешься воспроизводить; нужна

правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям; нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание».

Всё русское вызывало у Тургенева трепет: русский быт, русская песня, православный храм, русская одежда. По его мнению, иностранцы начинали интересоваться чем-либо только благодаря национальным особенностям увиденного. Всё безнациональное, безликое, нивелированное вызывало у писателя равнодушие.

Всё сказанное – ключ к пониманию творчества писателя, во всяком случае, ключ к пониманию феномена «Записок охотника». Тургенев создал, по выражению одного современника, «великую одухотворенную картину» – живой портрет крестьянской России, которого до него литература не создавала.

* * *

Кажется, что большинство персонажей этой светлой книги – самые любимые герои автора; он рисует их словами обдуманно-мягкими, ласковыми. Помнится, однажды при мне Валентин Распутин советовал студентам-заочникам Литинститута, начинающим прозаикам: «Пишите мягче, ищите слова живописные, самобытные». Вдруг в одном из писем А. Чехова я прочитал то же самое, почти дословно (не думаю, что Распутин повторил чужое, скорее всего вышло невольное совпадение): «Господь послал Вам доброе, нежное сердце, пользуйтесь же им, пишите мягким пером...»

Иван Сергеевич во всей доброте и нежности раскрыл свое сердце, создавая первую прозаическую книгу; подлинно русские образы очерчены им точным и мягким пером.

Вот Акулина, юная крестьянка, пришедшая на последнее, прощальное свидание с избалованным, бездушным и наглым камердинером молодого богатого барина. Видно, что обманутая девушка отдалась своей любви со всей пылкостью и бесстрашием чистого невинного сердца; и видно, что скучающий и надменный лакей обольстил ее лоском своего свежего, румяного лица и модной, с барского плеча, одежды. Она целует его руки, трепещет и умоляет, он – лениво, «как бы из желудка» достает свои жестокие, холодные слова, равнодушно играет цепочкой часов, небрежно нюхает принесенные для него цветы, то есть всем видом показывает тяготу и скуку последнего свидания:

«– ...Чего ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу? ведь не могу? Ну, так чего ж ты хочешь? чего? (Он уткнулся лицом, как бы ожидая ответа, и растопырил пальцы.)

– Я ничего... ничего не хочу, – отвечала она, заикаясь и едва осмеливаясь простираться к нему трепещущие руки, – а так хоть бы словечко, на прощанье...

И слезы полились у неё ручьем.

– Ну так и есть, пошла плакать, – хладнокровно промолвил Виктор, надвигая сзади картуз на глаза.

– Я ничего не хочу, – продолжала она, всхлипывая и закрыв лицо обеими руками, – но каково же мне теперь в семье, каково же мне? И что же со мной будет, что станет со мной, горемычной? За немилото выдадут сиротинушку... Бедная моя головушка!

– Припевай, припевай, – вполголоса пробормотал Виктор, переминаясь на месте.

– А он хоть бы словечко, хоть бы одно... Дескать, Акулина, дескать, я...

Внезапные, надрывающие грудь рыдания не дали ей закончить речи – она повалилась лицом на траву и горько, горько заплакала... Все ее тело судорожно волновалось, затылок так и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком. Виктор постоял над нею, постоял, пожал плечами, повернулся и ушел большими шагами».

А вот другая крестьянка, Лукерья, постарше первой, лет, как она сама считает, двадцати восьми или двадцати девяти. В девичестве она была «первая красавица во всей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья!», собиралась замуж, по обоюдной любви, за статного кудрявого буфетчика. Но однажды ночью, оступившись, упала с крыльца и расшиблась: «словно... что внутри – в утробе – порвалось...» С тех пор, шесть-семь лет, недвижимо лежит: летом – в плетеном сарайчике, а зимой – в предбаннике. Родственников она не беспокоит, а присматривают за ней добрые люди: то девочка-сиротка зайдет, то молодые крестьянки, то священник, то странница. И что же эта наказанная судьбой, высохшая, полумертвая женщина – жалуется на злой рок, плачет и проклинает? Ничуть. Она убеждает рассказчика – охотника, случайно забредшего в ее темную нору:

« – ...я, слава богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землей роется – я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что бога гневить? – многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел...»

« – ... лежу я себе, лежу – полеживаю – и не думаю; чую, что жива, дышу – и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка – мне очень приятно...»

« – ...Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите – а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление – даже удивительно.

– О чем же ты тогда размышляешь, Лукерья?

– Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было – не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было, и ничего бы я не чувствовала, кроме своего несчастья «.

Или вот еще один герой – Яков-Турок, «художник во всех смыслах этого слова, а по званию – черпальщик на бумажной фабрике у купца». Он любитель пения и на спор с соперником, рядчиком по житейскому занятию (рассказчик даже не называет его имени), состязается в кабаке своим нередким русским талантом. Яков выбрал для турнира «заунывную народную песню “Не одна во поле дороженька пролежала”». «...Пел он, – говорит автор, – и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была

и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладело упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более – он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся...» Яков «...пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня...»

Другой читатель может напомнить другие страницы, другие истории и судьбы из книги Ивана Тургенева. Эти истории и судьбы лишены какого-либо налета выдумки, фантазии; они достоверны и житейски узнаваемы. «Да вот, – скажет читатель, – и у нас был похожий случай». «И я вспомнил историю наподобие тургеневской», – добавит другой. Но не в похожести, не в узнаваемости – главное достоинство «Записок охотника». Достоинство их в том, что ты увидел в обыкновенном человеке – герое книги его нравственную красоту и силу; ты увидел, что в простом человеке, жившем рядом с нашими пращурами, равно как и в том, что живет рядом с тобою ныне, обитает такая душа, которая вынесет любые муки, пересилит любую боль и, если узнаешь ее поближе, покажет богатства, что ценней любых земных – бескорыстную любовь и щедрую ласку, вечную преданность и неослабную заботу, страстное поклонение красоте и редкую даровитость. Писатель открыл подлинный русский народ, сверкающий самородками; для скользкого или подслеповатого, высокомерного или равнодушного взгляда народ этот был одной массой, серой и неинтересной, редко-редко удивлявшей каким-нибудь талантом, прибившимся случайно к «благородной» среде. Но оказалось, что земля русская, любой ее край богат людьми незаурядными – благородными, бесстрашными, отзывчивыми, бескорыстными, чуткими к красоте.

Высшим и самым строгим мерилom для писателя, считал Тургенев, является правда. К этому постулату он возвращался много раз, ему посвятил немало строк в рецензиях, предисловиях, отзывах, письмах. Писательская правда, как и внутренняя свобода художника, всегда высоко ценилась Тургеневым и в творчестве других авторов, и в собственных сочинениях.

Почему тургеневские герои предстают, как живые? Потому что писатель не утаивает о них ничего, что существенно влияет на читательское впечатление – ни добрых, ни худых черт. Иногда кажется, что зря он, рассказав о симпатичном человеке, упомянул какую-то скверную привычку его или некрасивую черточку. «Ведь это невыгодное замечание не относится к делу», – думаешь поначалу. Но по зрелом размышлении, охватывая рассказанное в совокупности впечатлений, соглашаешься с автором. «Если неприятная мелочь не была бы замечена в герое, – говоришь себе, – то образ получился бы сусальным, облагороженным, следовательно, неправдоподобным». У Тургенева

нет героев, набросанных комплиментарной кистью. «Каким жизнь вылепила, таким и принимайте», – словно бы предуведомляет автор «Записок охотника» появление любого своего героя, и мы благодарны ему за честный рассказ.

Приглядимся внимательней к такому, например, персонажу, как Пантелей Чертопханов, дворянский сын. Он служил в армии, но в девятнадцать лет вынужден был подать в отставку «по неприятности»: похоже, под эту неприятность его подвел сумасбродный характер. Приехав в деревню по вызову больного отца, он не застал его в живых и обнаружил, что все поместье папаша промотал. «Пантелей одичал, ожесточился, – знакомит нас автор со своим героем. – Из человека честного, щедрого и доброго, хотя взбалмошного и горячего, он превратился в гордеца и забияку, перестал знаться с соседями, – богатых он стыдился, бедных гнушался, – и неслыханно дерзко обращался со всеми, даже с установленными властями: я, мол, столбовой дворянин. Раз чуть-чуть не застрелил станового, вошедшего к нему в комнату с картузом на голове. Разумеется, власти, со своей стороны, ему тоже не спускали и при случае давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка он был страшная и со второго слова предлагал резаться на ножах».

Вот такой русский характер. Чертопханов пригрозил беспризорного бедолагу Недопюскина, кормил, поил и защищал его; он без памяти любил молодую цыганку Машу и, когда голос вольной крови приказал ей оставить Чертопханова, он готов был пустить себе пулю в лоб; потеряв любимца-коня, он потратил на его поиски все неожиданно свалившееся на него наследство, а найдя лошадь (но, как оказалось, не свою, а очень похожую на нее) он со злобой убил животное. Эта кульминация бесшабашной, дерзкой, запутанной жизни героя написана Тургеневым незабываемо ярко и безжалостно: «Чертопханов зажал себе уши обеими руками и побежал. Колени подгибались под ним. И хмель, и злоба, и тупая самоуверенность – все вылетело разом. Осталось одно чувство стыда и безобразия – да сознание, сознание несомненное, что на этот раз он и с собой покончил». А на самом деле покончил с собой неуправляемый степняк тоже по-русски: беспросветно запил и довел себя до гробовой доски. Между тем, человек владел прекрасными качествами: был честен, справедлив, бесстрашен, неутомим в добром деле. Мог бы послужить людям и отечеству, а отдал себя бесу...

* * *

Все лучшие русские писатели середины девятнадцатого века с напряженным вниманием вглядывались в жизнь своей страны, стремясь предугадать ход ее развития, ее будущее. Общественное брожение накануне крестьянской реформы 1861 года раскалывало общество. Ответы на вопрос о путях преобразований были разные; стремление к их поиску было единодушным. Н. Гоголь писал: «Теперь более чем когда-либо нужно нам обнаружить всё, что ни есть внутри России, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы стремимся сеять...»

Чуть ли не теми же словами беседовал с читателями журнала «Современник» Н. Некрасов: «Теперь более чем когда-нибудь мы должны обратиться на самих себя, сосредоточиться, глубже вглядываться

в свою народную физиономию, изучать ее особенности, проникать внимательным оком в зародыши, хранящие великую тайну нашего, несомненно великого, исторического предназначения».

Наконец, и Тургенев, начиная первые рассказы своих будущих «Записок охотника», тоже уверенно писал: «...в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития...»

Однако, к острейшей проблеме – отмене крепостного права – автор книги подошел не с «лобовой», публицистической стороны, а со стороны художественной, естественной для беллетриста. В «Записках охотника» крепостничество явилось в лицах и судьбах, оно ожило во всей своей страшной, чудовищной жестокости, унижающей народ и не имеющей никакого оправдания и будущего. Завеса была сдёрнута, и явилась картина, которая могла вызвать только негодование. Третье отделение полиции, этот политический сыск, констатировало: «...Государь Император, обратив внимание на изданную в Москве книгу под заглавием “Записки охотника”, сочинение Тургенева, изволил усмотреть, что значительная часть помещенных в ней статей имеет решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном, или еще чаще в предосудительном для их чести виде. Признавая, что распространение столь невыгодных мнений на счет помещиков послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других состояний, Его Величество Высочайше повелел цензора, пропустившего означенную книгу, князя Львова ... отставить за небрежное исполнение от должности».

* * *

«Записки охотника» внесли много нового в форму русского рассказа. Мы меньше всего подразумеваем под этим внешнюю форму повествования: представить художественное произведение как «записки» некоего рассказчика, в данном случае, охотника. Эта традиция в отечественной прозе тогда уже укоренилась. Письма, записки, дневники, рассказы путешественного или разъезжающего по долгу службы, по собственной надобности заняли в русской литературе заметное место и даже прославили ее. В художественной публицистике припоминаются знаменитые «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева, пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», в беллетристике – «Повести Белкина», «Мертвые души», многие страницы романа «Герой нашего времени». Подобная форма (разумеется, у каждого автора своя, оригинальная) дает возможность свободно переходить от одной истории к другой, от одного героя к другому, рисовать широкую картину жизни. В этом смысле рассказы охотника, прошедшего вдоль и поперек поля и леса средней России, как бы приложившегося к сердцу матушки-Руси, – еще одна счастливая находка литератора, удачно выбранный вариант наметившейся в прозе формы.

Но и тут нужно знать взгляд И. Тургенева на литературное творчество, чтобы уяснить особенности «Записок охотника» с интересующей нас стороны. Писатель считал, что рассказ должен двигаться

не за счет занимательной фабулы (хотя это и не исключалось), а за счет, точнее – благодаря развитию характера героя. Он диктует автору ход повествования. Причем характер для Тургенева – это не просто поверхностно увиденный или мало интересный образ; это тип, особого склада тип, укоренившийся или укореняющийся в жизни и оригинальный по существу. Взгляд Тургенева легче понять, читая его суждения о чужих книгах. Например, об одном из произведений французского прозаика А. Доде он заметил в письме к П. Анненкову: «Роман Доде мне менее понравился, нежели Вам, вероятно потому, что, по самой натуре сюжета, вместо типов являются одни портреты, чуть-чуть застланные прозрачной дымкой. А ведь интересны только типы...»

Более подробно высказанную мысль Тургенев обосновал в беседах с американским писателем Г. Джеймсом. Этот литератор какое-то время жил во Франции и дружески общался с Иваном Сергеевичем. Он вспоминал: «Всего интереснее были рассказы Тургенева о его собственной литературной работе, о том, как он пишет. То, что мне довелось слышать от него об этом, не уступало по значению ни замечательным результатам его творчества, ни трудной цели, которую оно преследовало, – показать жизнь такой, какая она есть. В основе произведения лежала не фабула – о ней он думал в последнюю очередь, – а изображение характеров. Вначале перед ним возникал персонаж или группа персонажей – личностей, которых ему хотелось увидеть в действии, поскольку он полагал, что действия этих лиц будут своеобразны и интересны. Они возникали в его воображении рельефные, исполненные жизни, и ему не терпелось как можно глубже постичь и показать присущие им свойства.

Прежде всего необходимо было уяснить себе, что же в конце концов ему о них известно; с этой целью он составлял своего рода биографию каждого персонажа, внося туда всё, что они делали и что с ними происходило до того момента, с которого начиналось собственно повествование... Собрав весь материал, он мог приступить к собственно рассказу, иными словами, он задавал себе вопрос: что они у меня будут делать? У Тургенева герои всегда делают именно то, что наиболее полно выявляет их натуру, но, как отмечал он сам, недостаток этого метода – в чем его не раз упрекали – это отсутствие “архитектоники”, т. е. искусного построения. Владеть не только отменным строительным материалом, но и искусством строить, архитектурной, как владели ею Вальтер Скотт, как Бальзак, – несомненно, великое дело. Но, если читаешь Тургенева, зная, как рождались, вернее, как создавались его рассказы, то видишь его художественный метод буквально в каждой строке... Этот метод тем уже хорош, что, пользуясь им, писатель в подходе к любому жизненному явлению начинает, так сказать, с давно прошедшего. Он позволяет рассказать очень многое о людях – мужчинах и женщинах...

...Однажды, помнится, говоря об Омэ – провинциальном аптекаре из “Мадам Бовари”, педанте, щеголявшем “просвещенными мнениями”, – Тургенев заметил: исключительная сила образа этого маленького нормандца в том, что он одновременно и индивидуальность, со всеми ее особенностями, и тип. В этом сочетании кроется исключительная сила тургеневского изображения характеров: его герои неповторимо воплощают в себе единичное, но в то же время столь же отчетливо и общее...»

Уже на склоне лет Иван Сергеевич писал для французских читателей о романе Л. Толстого «Война и мир»: «Вдохновенная и простая поэзия, великая любовь к правде, сочетающаяся с тончайшей чуткостью ко всякой лжи или пустословью, поразительная сила психологического анализа, а также тонкое чувство природы, непревзойденный дар создавать типы, нечто очень живое и в то же время возвышенное – вот чем определяется этот прекрасный талант, который, оставаясь сугубо русским, уже обрел в Европе поклонников, число которых будет неизменно возрастать», Может быть, найдя эти вдохновенные и точные слова для своего младшего современника, Тургенев отметил в нём те качества подлинного писателя, которые были дороги ему самому. Если это так, то он не ошибся и в оценке собственного дара, впервые так ярко проявившегося в «Записках охотника».